

ДВА ОБРАЗА НАУКИ: О КНИГЕ Е. А. МАМЧУР «ОБРАЗЫ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»¹

А. В. МИГЛА

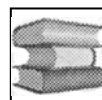
В последние десятилетия все более широкое распространение получает точка зрения, согласно которой традиционные претензии науки на получение объективного истинного знания не имеют под собой реального основания и должны быть отброшены как устаревшие. Научное знание несет в себе отпечаток определенной культуры, выражает особенности познающего субъекта, поэтому оно не может быть общезначимым. В новой книге известного философа Е.А. Мамчур «Образы науки в современной культуре»¹ эта точка зрения подвергнута серьезной критике. Автор показывает, что научное знание объективно, следовательно, универсально общезначимо.

О каких образах науки идет речь в книге Е.А. Мамчур? С точки зрения автора, в современном обществе широким распространением пользуются два таких образа. Один образ представляет науку как источник объективного знания

о мире, главный инструмент объяснения механизмов окружающих человека явлений. Второй образ говорит о науке, как о явлении, всецело обусловленном социальными, культурными факторами. Получается, что научное знание, научные теории отражают культурные особенности общества, личностные особенности ученого, но не дают объективного знания об окружающем мире. Последнюю позицию Е.А. Мамчур называет эпистемологическим релятивизмом: «Эпистемологический релятивизм можно определить как доктрину, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно одного и того же объекта, не существует единственно верной, — той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире»². По мнению автора, такой образ науки искажает ее сущность, является лишь «забавной карикатурой на нее»³.

¹ Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 219.

В монографии Е.А. Мамчур стремится показать, что первый образ, и только он, соответствует реальному положению дел, что наука является объективной, что второе представление о науке ошибочно и основывается на неверном понимании внутренних механизмов, структуры, логики научного познания. Научное знание, безусловно, релятивно той культуре, детищем которой оно является, зависит от субъекта, но такая частичная обусловленность не представляет угрозы для объективности науки.

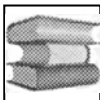
Под объективностью Елена Аркадьевна понимает адекватность теории действительности, ее относительную истинность. Объективность она отличает от объектности – «описания реальности такой, как она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю»⁴. Важно различать эти понятия, поскольку зачастую они выступают неразделенными, «склеенными», в результате чего возникает путаница. Так, некоторые философы науки, говоря об утрате наукой объективности, подразумевают объектность, утрата которой вовсе не означает отказа от объективности как адекватности знания действительности.

Объективность как адекватность теории действительности Е.А. Мамчур противопоставляет эпистемологическому релятивизму, критическому анализу которого посвящена большая часть книги. Автор выделяет три вида релятивизма: персоналистический, когнитивный и культурно-исторический. Персоналистический постулирует принцип зависимости

научного знания от конкретного субъекта. Когнитивный релятивизм утверждает, что в научном знании отсутствуют критерии для выбора одной из нескольких альтернативных теорий. Научные теории, согласно доктрине когнитивного релятивизма, несоизмеримы, и у нас нет способа выделить среди них ту, которая может считаться истинной. Согласно третьему, культурно-историческому варианту эпистемологического релятивизма, характер и содержание научного знания полностью детерминируются культурой, в рамках которой развивается это знание.

Наиболее серьезным противником объективности автор считает когнитивный релятивизм, в монографии ему отводится значительное место. К основным положениям когнитивного релятивизма Е.А. Мамчур относит: невозможность независимой экспериментальной проверки теории, недоопределенность теории эмпирическими данными и отсутствие надпарадигмальных критериев научности и методологических принципов, на основании которых можно считать одну теорию более адекватной действительности, чем другую.

Для преодоления трудностей, связанных с теоретической нагруженностью фактов, Е.А. Мамчур вводит различие между интерпретацией-описанием и интерпретацией-объяснением. Эти компоненты являются относительно независимыми элементами структуры интерпретации данных эксперимента. Интерпретация-описание представляет собой пер-

вичные экспериментальные данные, дос-

⁴ Там же. С. 23.

тупные непосредственной проверке и формулируемые в терминах теорий, отличных от проверяемой. Интерпретация-объяснение – теоретическое объяснение полученного в эксперименте результата. Проведенное различие позволяет утверждать, что отказ от понятия решающего эксперимента в науке не является преждевременным, что если на основании такого эксперимента часто и невозможно сделать окончательный выбор между конкурирующими теориями, то он, по крайней мере, может рассматриваться как однозначное подтверждение или опровержение одной или нескольких теорий.

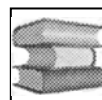
Недоопределенность теорий эмпирическими данными также не может служить аргументом в пользу релятивизма. В том случае, если имеются одинаково подтверждаемые эмпирическими данными теории, выбор одной из них может быть осуществлен, исходя из внутренних критериев (эффективности теории, предсказательной силы, сравнительной простоты и т.д.) без обращения к соображениям социального характера.

Еще один аргумент, используемый защитниками релятивизма, связан с принципиальными изменениями, которые произошли при переходе от классической к неклассической науке и которые якобы приводят к отказу от основных методологических принципов: принципа детерминизма, принципиальной наблюдаемости, простоты научного знания и т.п. Признавая серьезность этих изменений, Е.А. Мамчур, тем не менее, обосновывает мысль о том, что важнейшие методологические

принципы науки всегда несли в себе некое надпарадигмальное содержание. Так, например, несмотря на обнаружение типов связей явлений, отличных от причинности (телеономия, синхронистичность), идея существования самой такой связи осталась неизменной.

Надпарадигмальные критерии оказываются применимыми и к культурно-историческому варианту эпистемологического релятивизма, который рассматривается в четвертой главе монографии. По мнению автора, существуют стандарты оценки научного знания, которые позволяют «сравнивать теории на расстоянии», то есть оценивать, какая из теорий, принадлежащая разным культурам и эпохам, более адекватно отражает действительность. К этим критериям – помимо вышеперечисленных простоты, идеи причинности, идеи закона – можно отнести и требование наблюдаемости, которое хотя и постепенно ослаблялось, все же всегда выступало необходимым критерием научности теории.

Самое скромное место в монографии уделено персоналистическому релятивизму. Это и не удивительно, ведь, как отмечает Е.А. Мамчур, влияние личности ученого на создаваемые им теории пока еще недостаточно изучено, чтобы были какие-то веские основания учитывать их в современной эпистемологии. В любом случае, даже если такое влияние и имеет место, то, в конечном счете, теории продолжают подвергаться проверке; к ним применяются критерии научности, они подчиняются методологическим принципам. Все это говорит о том, что, не-

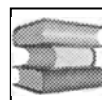
смотря на некоторую обусловленность теорий личными особенностями ученого, такая зависимость не является тотальной и не угрожает объективности научного знания.

Заключительная глава монографии посвящена ценности и политической нейтральности науки. Автор настаивает на том, что традиционное разделение на фундаментальные и прикладные исследования до сих пор сохраняется в современной науке. Прикладная наука, действительно, может служить власти и выполнять социальные заказы, является морально ответственной, так как осуществляет *практическое приложение* данных, полученных «чистой» наукой. Однако фундаментальная наука является этической и политически нейтральной. Нам представляется, что это несколько идеализированная позиция. Е.А. Мамчур признает тот факт, что ученый, занимающийся фундаментальными исследованиями, может, а часто и должен, принимать участие в обсуждении способов применения своих открытий. Тем не менее, занимаясь исследованиями и обсуждением своего открытия, он находится в разных социальных ролях. Пожалуй, с этим можно согласиться. Однако нам представляется, что в связи с тем, что наука является человеческим предприятием, осознание возможных пагубных последствий научных открытий самими учеными не может не оказывать непосредственного влияния и на саму научную деятельность, по крайней мере, на характер и интенсивность этой деятельности, если и не на ее содержание.

На наш взгляд, единственное, в чем можно было бы упрекнуть

Елену Аркадьевну, так это в том, что порою она распространяет выводы, справедливые лишь для относительно небольшой области науки на все естествознание в целом. Так, например, она говорит о всеобщем стремлении ученых к единству научного знания. Между тем, в книге это обосновывается лишь на примере поиска единства знания в физике⁵. Если же обратиться к другим естественным, а тем более – к общественным наукам, то там подобного стремления к единству мы не обнаружим.

В целом, в монографии показано, что некоторая релятивность науки не приводит к релятивизму. Автор убеждает читателя в том, что образ объективной науки несомненно является «адекватным действительности». Тщательный анализ научного познания, его структуры демонстрирует, что отстаивать объективность науки можно, не выходя за пределы самого познавательного процесса, а, напротив, – исходя из него. Наука обладает своей внутренней логикой, внутренними стандартами и регулятивами, таким образом представляя собой совершенно особое предприятие, созданное человеком. Такая позиция в философии науки традиционно называлась рационализмом, свою приверженность которому признает и сам автор⁶. Верность идеалам рационализма, объективности в современной ситуации тотального увлечения иррационализмом, постмодернизмом представляется философской позицией, заслуживающей уважения. Книга Е.А. Мамчур свидетельствует о том, что рационализм не является устаревшей философской позицией и что его можно последовательно придерживаться и сегодня.

⁵ Там же. С. 177–186.

⁶ Там же. С. 19.